

Мир Сян Сян был сухим и безрадостным, но сегодня выдалась возможность порадовать себя, и она не собиралась упускать этот шанс.

Поэтому, как только закончился урок, Сян Сян бросилась в лабораторию.

После занятий все спешили домой, и только она бежала в противоположном потоке, словно крошечная рыбка, плывущая против течения.

Добравшись до лаборатории, Сян Сян с головой погрузилась в горы моделей, даже не успев включить свет. Когда пришел У Циншэн, перед его взором предстала девушка, сидевшая в самом центре полутемного класса.

Закатное солнце замерло у самой ее руки, не смея ступить вперед хоть на шаг. Девушка оказалась словно объята одиночеством, спрятавшись в пустом углу.

Раздался щелчок, в классе зажегся свет. У Циншэн бросил рюкзак в сторону и сел напротив Сян Сян.

— Что от меня требуется? — прямо спросил У Циншэн.

— Сможет ли этот старший брат помочь мне собрать вот это по чертежу? — Сян Сян извлекла лист бумаги формата А4, озабоченно почесала в затылке, а затем указала на кучу деталей.

— Брату нужно поискать, что подойдет. Если чего-то не хватит, я поищу материалы и сделаю сама, — добавила она.

У Циншэн кивнул и уселся вместе с Сян Сян среди беспорядочно разбросанных деталей.

Эта работа напоминала какое-то рукоделие. Задачи, которые Сян Сян поручала ему, не представляли особой сложности. В детстве ему доводилось помогать матери с шитьем и тому подобными делами, так что пальцы у него были довольно ловкими, и дело шло значительно быстрее, чем у Сян Сян.

— Я заметил, ты уже сделала несколько моделей ракет. Зачем тебе столько? — поинтересовался У Циншэн. Еще несколько дней назад он видел, как Сян Сян возится с моделями, но ведь даже для соревнований хватало одной.

— У меня плохо получается, — с некоторой досадой ответила Сян Сян, подумала и добавила: — Для соревнований нужно две модели: одна для демонстрации внешнего вида, а другая — для показа результатов экспериментов.

— Понятно, — с видом знатока откликнулся У Циншэн и снова уткнулся в сборку деталей.

— Как проходит период течки у брата? Живот не болит? — Сян Сян заметила краешек подавляющего пластыря на железе У Циншэна и, вспомнив его слегка бледное лицо этим утром, обеспокоенно задала вопрос.

У Циншэн замер на секунду, а его взгляд испуганно метнулся в сторону, не зная, за что зацепиться.

— Гораздо лучше, спасибо... за твою вещь, — слово «сестра» никак не шло у него с языка, так что ему пришлось проглотить его.

— Вот и хорошо. А теперь давай вернемся, если мы задержимся слишком поздно, отец рассердится. — Сян Сян собирала свой рюкзак и попутно протянула ему новый пластырь со словами: — Братец, у твоего пластыря задрался уголок, смени его на другой, так будет надежнее.

У Сян Сян вошло в привычку всегда носить с собой подобные вещи.

Во-первых, до того, как она прошла дифференцировку, Фан Чуньвэй постоянно считал, что она окажется омегой, поэтому мать велела ей всегда иметь их при себе. Во-вторых, возможная склонность Фэн Чуня ко второй дифференцировке и последующее появление У Циншэна заставили ее подготовиться еще основательнее.

На случай непредвиденных обстоятельств.

В тот миг, когда его кончики пальцев легко коснулись руки Сян Сян, тепло побежало по костям прямо в глубину сердца. У Циншэн поджал губы и искоса украдкой принялся разглядывать лицо девушки.

У Циншэн взял пластырь, быстро поблагодарил и тут же заменил старый на новый.

Хотя сегодня был день рождения Фан Юя, в особняке семьи Фан по-прежнему царила прохладная тишина, и вся семья, как обычно, сидела за длинным столом.

Единственным отличием, пожалуй, было то, что угол был завален подарочными коробками.

Те, кто присылал дары, вовсе не обязательно были знакомы с Фан Юем лично. Они лишь знали, что у младшего сына семьи Фан день рождения, и отправляли подарок с поздравлением исключительно ради того, чтобы засветиться.

— Сяо Юй, папа дарит тебе книгу по экономическому анализу графиков, надеюсь, она принесет тебе пользу. — Ближе к концу ужина Фан Чуньвэй неожиданно извлек толстенную книгу и положил ее рядом с тарелкой Фан Юя.

Книга опустилась с тяжелым глухим стуком, от которого даже зазвенела посуда.

Фан Юй замер с ложкой во рту, не поднимая головы на Фан Чуньвэй, и лишь тихо откликнулся, глядя в стол.

Цинь Шу, почувствовав неладное, склонила голову и шепотом подсказала сыну:

— Сяо Юй, поблагодари папу.

— Бр-р-хм! — Резкий звук нарушил тишину. У Циншэн поднялся из-за стола, сдвинув стул, и, нимало не заботясь о недовольных выражениях лиц окружающих, бросил: — Я наелся, — после чего поднялся вверх.

— Я тоже сыт, — последовал за ним Фан Юй, даже не притронувшись к книге.

За обеденным столом вновь осталась лишь Сян Сян, на которую были устремлены взгляды двоих взрослых. Она тихо выдохнула, слегка изогнула губы в улыбке и произнесла:

— Я тоже закончила. Отец, мама, я отнесу книгу брата наверх.

Прижав тяжелый фолиант к груди, она направилась в комнату Фан Юя.

Фан Юй вовсе не стремился стать выдающимся альфой и никогда не помышлял о том, чтобы целыми днями крутиться в лучах славы и выгоды, подобно Фан Чуньвэю. Быть может, он просто недостаточно сыновен и не способен оправдать ожидания Фан Чуньвэя, не дотянув до звания хорошего сына и достойного наследника.

Комната изначально задумывалась как место для отдыха, но покои Фан Юя были завалены теоретическими книгами по финансам и удручающей душу макулатурой из разряда популярной психологии.

Живя здесь, он не прикасался ни к чему, кроме собственной кровати.

Это помещение принадлежало вовсе не ему — оно было насильственно навязанным семьей Фан исправительным приспособлением.

Приняв душ и свернувшись калачиком на кровати, Фан Юй принялся листать контакты в телефоне и с удивлением обнаружил, что у него нет ни единого друга, с которым можно было бы связаться.

Журнал звонков зиял пустотой, и тогда он набрал номер, позвонить по которому прежде

никогда не осмеливался.

Телефон несколько раз прозвонил, прежде чем вызов приняли.

— Алло? — раздался с другого конца звонкий женский голос.

— Гу Яньсун. — Стоило Фан Юю услышать ее голос, как у него внезапно защемило в носу, а в интонациях помимо воли прорезалась бесконечная обида. — Ты не прислала мне подарок.

Как только Фан Юй заговорил, Гу Яньсун остолбенела.

В ее памяти этот младший брат никогда первым не писал ей, не говоря уже о телефонных звонках. После того как он прошел дифференцировку в альфу, он даже здороваться перестал.

Она списывала все на переходный возраст и подростковый бунт, поэтому не придавала этому особого значения.

И лишь сегодня, получив его звонок, она с опозданием ощутила, насколько далеко они отдалились друг от друга.

— Прости, Сяо Юй, я в последнее время была слишком занята и замоталась. — Гу Яньсун только что вышла из переговорной, ее лицо выражало усталость, но она постаралась придать голосу как можно более легкий тон.

— Я наверстаю упущенное. Чего бы тебе хотелось, Сяо Юй?

— Хочу эмблему звезды Кассена. — Не раздумывая, выпалил Фан Юй.

Эмблема звезды Кассена являлась отличительным знаком курсантов академии. На каждом таком значке было выбито имя владельца, а металлический рельеф воплощал неувядающую славу и незаменимую ценность человеческой жизни.

На эмблеме Гу Яньсун, разумеется, красовалось ее собственное имя.

— Эту... — Гу Яньсун не обладала полномочиями требовать в академии значок с выгравированным именем «Фан Юй».

Она нахмурилась и попыталась зайти издалека:

— Хочешь, я отдам тебе свою? Или, может, выберешь какой-нибудь другой подарок?

— Идёт. — Предложение Гу Яньсун как раз пришлось ему по душе. Фан Юй почувствовал себя значительно лучше, принявшись теревить лишний лоскуток ткани на наволочке, и, словно пряча голову в песок, добавил: — Ничего страшного, твоя тоже подойдет.

Посчитав, что он жаждет прикоснуться к этой славе, Гу Яньсун согласилась.

Если девичьи тайны напоминали морозящий сезон дождей, то сокровенные помыслы юноши походили на грушу, спрятанную под толстым слоем снега — стоило подарить ей лишь каплю тепла, как она становилась сочной и сладкой. Но если бы некому было смахнуть эту толстую снежную шапку, груша просто сгнила бы от холода, стала горькой и растаяла вместе с зимой.

Безответная любовь никогда не была пустяком — это всего лишь леденец для робких сердец в увядающей юности.

Закончив разговор с Гу Яньсун, Фан Юй решил спуститься вниз за стаканом воды, но стоило ему открыть дверь, как перед его глазами предстала та самая толстая книга.

Её никто небрежно не швырнул на пол — напротив, фолиант аккуратно покоился на маленькой розовой табуретке, терпеливо ожидая, пока хозяин поставит его на книжную полку.

Подобное могло быть делом рук только Сян Сян.

<http://bllate.org/book/19481/1909744>